

С. А. Репинецкий

Аспирант ОУК истории ГОУ ВПО МГПУ

Санкт-Петербургский комитет иностранной цензуры в борьбе с крамолой (1856 – 1860 гг.)

Статья посвящена деятельности цензуры иностранных изданий в России накануне отмены крепостного права. Новизна подхода автора состоит в том, что исследована проблема характера применения на практике норм цензурного Устава к различным произведениям и мотивировки запрещения и разрешения заграничных изданий. Источниковую базу составляют архивные документы фонда Санкт-Петербургского комитета иностранной цензуры.

Ключевые слова: история России, цензура, иностранная цензура, Российская империя.

Foreign Censorship Committee of St. Petersburg in combating sedition (1856 – 1860)

Article is devoted to the censorship of foreign publications in Russia on the eve of the abolition of serfdom. The novelty is in the investigation the problem of the practical application of the censorship rules of the Charter and the motivations of the prohibition and permission of foreign publications. Source base consists of archive documents of the Fund of the St. Petersburg Committee of Foreign Censorship.

Key words: history of Russia, censorship, foreign censorship, the Russian empire.

В Российской империи основные функции цензуры в 1856 – 1860 гг. выполнялись специальными комитетами при Министерстве народного просвещения, находившимися в ведении учебных округов в главных университетских городах страны, которые, соответственно, являлись и основными центрами книгопечатания и журналистики. Отдельно действовала цензура для иностранных произведений – её комитеты располагались в основных транзитных торговых центрах страны: Санкт-Петербурге, Варшаве, Вильно (Вильнюсе), Киеве, Одессе, Риге. Отдельные цензоры работали в Дерпте (Тарту) и Ревеле (Таллине). В

1844 – 1917 гг. в Москве тоже действовал комитет иностранной цензуры, но в описях его фонда не значится документов за 1855 – 1861 гг. (ЦИАМ. Ф. 2314)

Санкт-Петербургский комитет иностранный цензуры выполнял функции старшего и рассматривал (утверждал или корректировал) постановления других комитетов, разбирали спорные случаи. В своей работе цензоры и чиновники руководствовались находящемся в составе Свода Законов Российской империи Цензурном Уставом 1828 г., а так же всеми текущими установлениями и распоряжениями Императора, министра внутренних дел и народного просвещения. Бывали так же случаи разрешения спорных ситуаций на основании формальной логики и нравственно-политических понятий цензоров и чиновников (они нередко расходились с соответствующими понятиями высших инстанций) (РГИА. Ф. 772. О. 1, ч. 2. Д. 4785. Л. 9 – 12; Ф. 779. О. 4. Д. 37. Л. 380 – 381.). Комитет собирался на еженедельные заседания, на которых рассматривались доклады цензоров и отношения других комитетов иностранной цензуры о возможности разрешения для распространения в России различных заграничных изданий.

По каждому поступавшему в Комитет изданию принималось одно из четырёх возможных решений: «разрешить к распространению и переводу», «разрешить с исключениями для публики отдельных мест», «запретить для публики», «запретить совершенно». В ниже следующей таблице 1 приведены сравнительные данные по принятым решениям, сначала в количестве единиц изданий, затем в процентах (РГИА, ф. 779, о. 4, д. 36 – 40).

Таблица 1. Решения комитета иностранной цензуры.

	04.01.56	27.06.56	09.01.57	19.06.57	08.01.58	28.05.58	10.01.59	24.06.59	07.01.60	18.05.60	Всего
Разрешено	33	11	32	20	59	30	102	50	99	90	526
	36,67%	57,89%	86,49%	83,33%	85,51%	85,71%	86,44%	92,59%	86,09%	87,38%	79,22%
С купюрами	28	6	2	3	6	5	3	3	6	6	68
	31,11%	31,58%	5,41%	12,50%	8,70%	14,29%	2,54%	5,56%	5,22%	5,83%	10,24%
Запрещено	29	2	3	1	4	0	13	1	10	7	70
	32,22%	10,53%	8,11%	4,17%	5,80%	0,00%	11,02%	1,85%	8,70%	6,80%	10,54%

Наглядную картину представляет диаграмма 2.

Диаграмма 2. Соотношение запрещённых и разрешённых изданий.

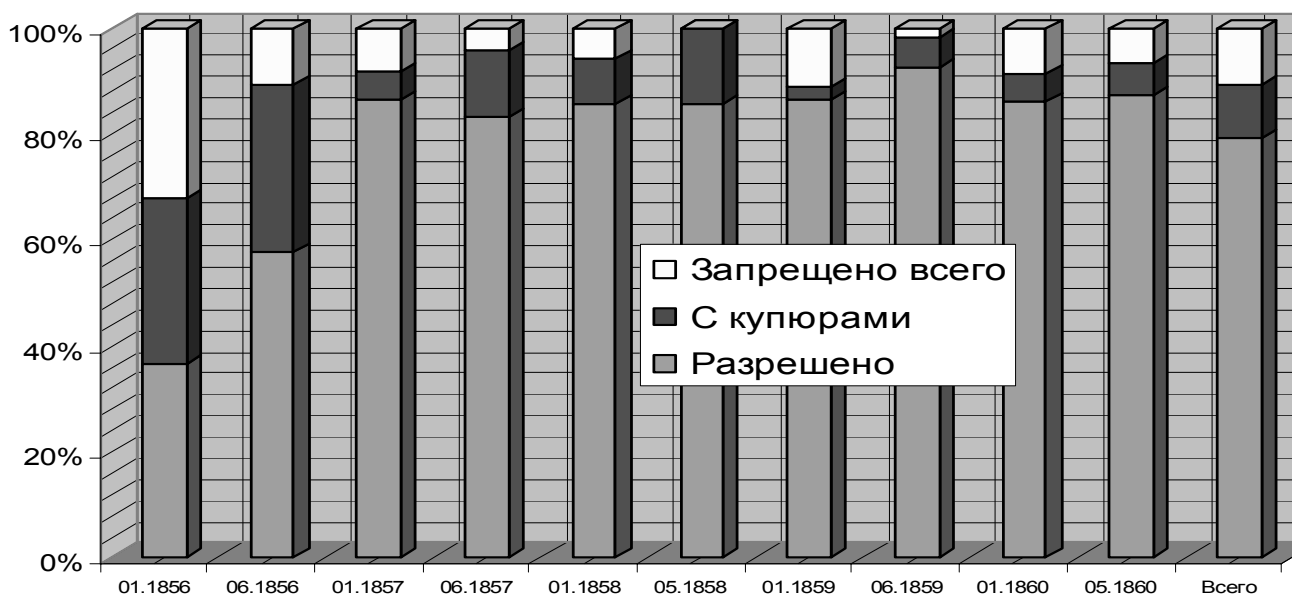

Таблица и диаграмма показывают, что в среднем подавляющее большинство проходивших через петербургский комитет иностранной цензуры публикаций разрешалось для распространения в России. Представляя на усмотрение комитета свои соображения, цензоры в обязательном порядке (за редкими исключениями) сообщали для протокола свои аргументы при вынесении запретительных решений. Особенно подробно объяснялись причины полного запрещения произведений. Благодаря этому мы можем сделать некоторые выводы о наиболее часто используемых основаниях для запрета.

Диаграмма 4. Основания запрещения иностранных книг (данные по заседаниям) (РГИА, ф. 779, о. 4, д. 36 – 40).

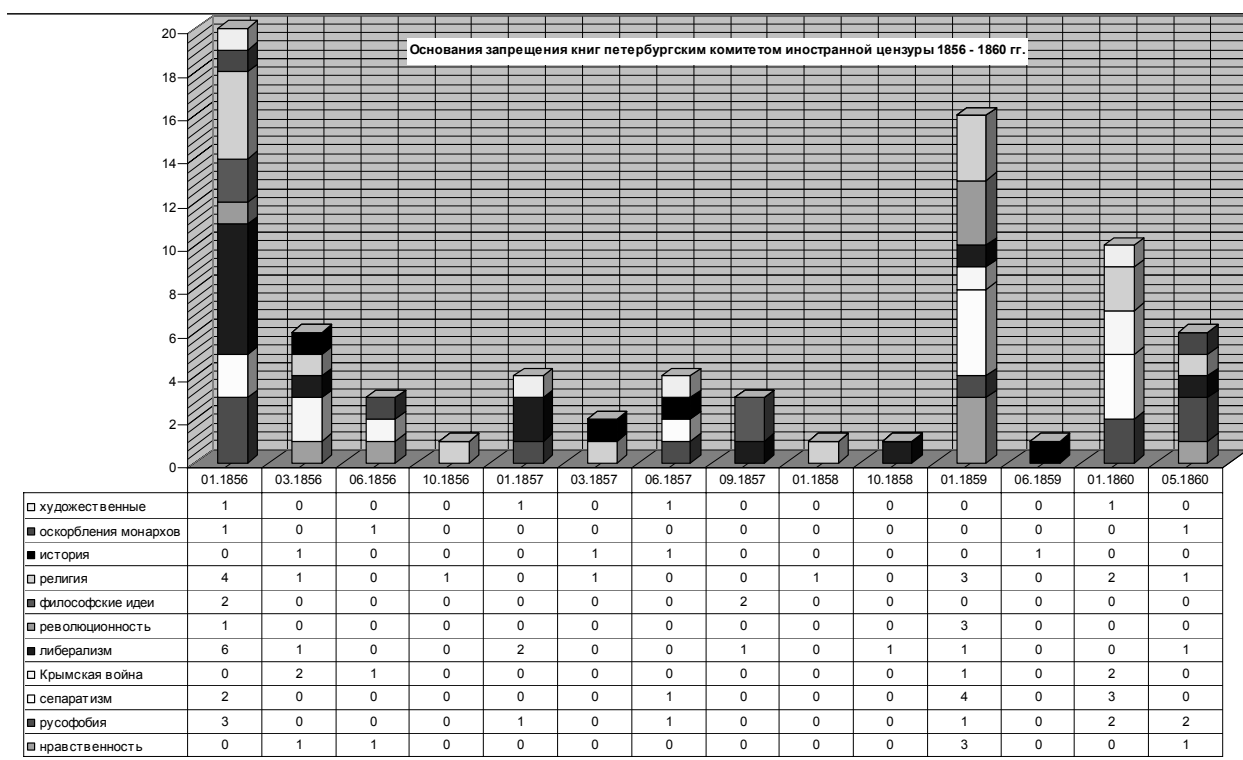
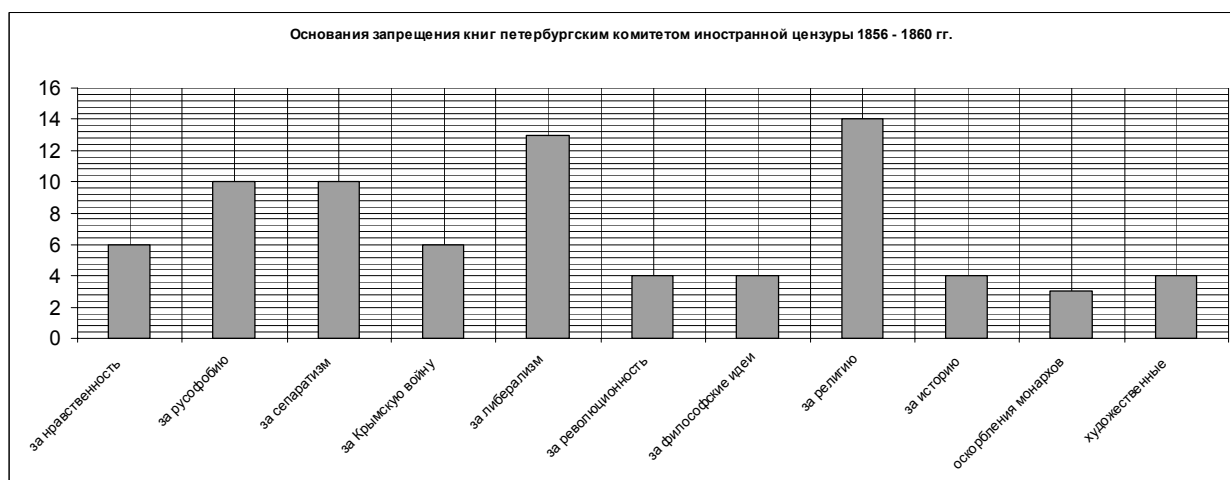

Диаграмма 5. Основания запрещения иностранных книг (сводные данные) (РГИА, ф. 779, о. 4, д. 36 – 40).

Рассмотрим в отдельности каждое основание. Как видно, значительное количество книг запрещалось по религиозным соображениям – недопустимость их распространения специально оговаривалась в цензурном уставе. Обычно это были сочинения, содержащие фантазии авторов, явно противоречащие канонам православной веры. Например, на первом заседании 1856 г. по представлению варшавского цензора Гинье была запрещена французская книга «Livre de consolation» («Книга утешения»), необходимость чего объяснялась следующим

образом: «Отрицая божественность Иисуса Христа и признавая его только высшим идеалом человечества, автор старается основать новую религию...» (РГИА, ф. 779, о. 4, д. 36, л. 8).

В 1859 г. была запрещена книга о «воскресении Иисуса Христа, а так же сошествии его в ад» (РГИА, ф. 779, о. 4, д. 39, л. 7), а в следующем году вновь цензор Гинье запретил книгу «Spiritualism faits curieux...» («Спиритуализм совершает любопытное...»), в которой говорилось, «что настало время, когда души умерших могут сообщаться с живыми и что это достигнуто нами действием вертящихся столов». Далее приводился дополнительный аргумент в пользу запрещения книги: «Так как брошюра эта подверглась запрещению со стороны Латинской церкви и в ней действительно распространяется суеверие...» (РГИА, ф. 779, о. 4, д. 40, л. 7). Это не единственный случай проявления российской цензурой «солидарности» с католической церковью. 28 марта 1857 г. по представлению цензора Берте было запрещено распространение немецкой книги о детском крестовом походе 1212 г., описывающей его в издевательском тоне (РГИА, ф. 779, о. 4, д. 37, л. 126).

Не менее строгому запрещению подвергалась литература, содержащая критику православия или восхваление каких-либо других конфессий. 4 января 1856 г. по представлению варшавского цензора Черскера была запрещена книга на немецком языке Г. Эвальда, который «православное греко-восточное упрекает в пренебрежении слова Божия, римско-католическое в невежестве, идолопоклонстве, религиозной и политической вражде, протестантские в недостаточном изучении Библии и слабом хранении древних догматов и символических книг». Тогда же была запрещена книга по истории церкви за превознесение её власти и влияния пап (РГИА, ф. 779, о. 4, д. 36, л. 9 – 11). В 1860 г. Гинье вновь запретил уже другое издание на том же основании (РГИА, ф. 779, о. 4, д. 40, л. 117).

Цензором Дукшинским в марте 1857 г. был инициирован запрет трёх французских книг – как мы видим, большинство запрещённых по религиозным соображениям книг были французскими. В одной из них – «Israel aux derniers jours de l'economie» («Еврейский народ в последние дни в экономике»), рассказывалось об

особой миссии евреев в последнюю эпоху и грядущем тысячелетии, «...роль Вавилонской блудницы и чудовища, восседающего на семи холмах представляется римскому папе, Евреи, еще до обращения своего, должны занять опять святую землю, но в пределах гораздо обширнейших, самое их обращение должно последовать не в христианскую веру, а в древний Моисеев закон, утонченный и преобразованный». В других говорилось о русском православном духовенстве: в первой указывалось, что оно «по вражде к католикам бросилось в объятия протестантизма», а вторая повествовала о русских священниках, принявших католицизм и работавших миссионерами в Америке (РГИА, ф. 779, о. 4, д. 37, л. 126) – такой прискорбный факт тоже не был дозволен к распространению в России.

Определённая доля заграничных изданий запрещалась для распространения в стране по морально-этическим соображениям за попрание нравственности. Например, 27 июня 1856 г. по представлению цензора Дукшинским было запрещено распространение французского романа, который, «представляя уродливые сцены бесчувственности и разврата обдуманного, находит оные естественными и как бы соответствующими нравам времени» (РГИА, ф. 779, о. 4, д. 36, л. 246). 10 января 1859 г. по рекомендации одесского цензора Палеолога была запрещена греческая книга о «развратных нравах и грубом варварском языке константинопольской черни» (РГИА, ф. 779, о. 4, д. 39, л. 7). 18 мая 1860 г. по представлению цензора Лебедева был запрещён немецкий путеводитель по Гамбургу для «волоkit и гуляк» (РГИА, ф. 779, о. 4, д. 40, л. 1).

Иногда запрещению подвергались и труды, посвящённые тому, что в наше время уже практически стало нормой, а цензорам середины позапрошлого столетия казалось безнравственным и заставляло их делать далеко идущие выводы о возможном вреде от их распространения. Так, в начале 1859 г. по представлению цензора Бистрама была запрещена книга «Comment on se marie? Par de Grammont» («Как выйти замуж?») за «рассуждения, большей частью клонящиеся к уничтожению святости супружеского союза, как главного основания семейства, а вместе с тем и всеобщего в государстве порядка, что было постоянным стремлением

коммунистов для успешнейшего достижения таким образом их революционных видов» (РГИА, ф. 779, о. 4, д. 39, л. 1).

Мы рассмотрели вместе два основных основания запрещения книг, не имеющих прямого отношения к политике – вместе они охватывали порядка четверти запрещаемых изданий. Остальное приходилось на запреты по политическим соображениям. Следующее по частоте использования за религиозными и наиболее распространенное среди политических основание для запрещения книги было наличие в ней либеральных идей. В эту группу мы объединили все случаи, когда авторы прямо обвинялись в «либерализме», а так же в «пропаганде свободы», «прав народа» и т.п.

На первом же заседании 1856 г. по представлению варшавского цензора Ливета за «либеральный дух» была запрещена книга «Les Morts Inconnus par E. Pelletan, Paris, 1855» («Неизвестные мёртвые») о 2 французских протестантских пасторах времен гугенотов, которые «изображаются поборниками свободы совести и вместе предшественниками проповедников политической свободы» и по представлению варшавского же цензора Гинье книги «Etudes sur le XVIII siecle par E. Bersot, Paris, 1855» («Исследования о XVIII веке») как сочинение, «написанное в либеральном духе с превознесением Волтера, Руссо, Дидро и Монтескье...». 14 марта того же года цензор Роде запретил распространение немецкой книги, в которой им был «замечен умеренный либерализм» (РГИА, ф. 779, о. 4, д. 36, л. 10, 13, 55).

В следующем году он же запретил произведение Гервинуса на немецком языке за «те же либеральные, враждебные самодержавию мысли, которые были им высказаны и в первом томе, подвергнутом запрещению для публики» (РГИА, ф. 779, о. 4, д. 37, л. 1). В 1860 г. Гинье запретил «Histoire de la liberte religieusee en France et de ses fondateurs par I. M. Dargaut» («История религиозной свободы во Франции и её основателей»), в которой «либеральные идеи автора не доходят однако ж до низвержения тронов, он находит однако справедливым самое широкое участие народа в управлении» (РГИА, ф. 779, о. 4, д. 40, л. 117) – этого оказалось вполне достаточно для ограждения российского общества от такого сочинения. Отметим,

что в борьбе с «либеральным духом» пострадали, прежде всего, опять же французские книги, а отличились особой ретивостью – в ещё большей степени, нежели в отношении религиозных вопросов – именно варшавские цензоры, в особенности Гинье.

Но не всегда сочинители обвинялись в «либерализме» напрямую. Например, на первом заседании 1856 г. по представлению виленского цензора Гольмблада была запрещена «Struensee. Drame historique en cinq actes par Eduard Meyer. Paris, 1855.» («Струензе», историческая драма в 5 актах), в которой главного героя «Струензе как министра автор изображает отличным государственным человеком, стремящимся способствовать политической свободе датского народа возвышением состояния крестьян и граждан и отнятием привилегий у дворянства» (РГИА, ф. 779, о. 4, д. 36, л. 2). Запрещались за либеральные идеи и немецкие произведения.

В 1857 г., например, цензором Дукшинским было запрещено сочинение «Genesis der Revolution 1648-1806. Von Dr. C. Hofler» («Генезис революции 1648-1806»), так как «автор старается показать, что ограничение свободы народных сословий и усиление монархической власти в делах политических и церковных способствовали преимущественно к зарождению революционных начал и к доставлению оным торжества» (РГИА, ф. 779, о. 4, д. 37, л. 1). В 1859 г. «отдельным ревельским цензором» Благовещенским было запрещено распространение немецкого романа о Робеспьере, в котором «выставлена кротость его характера... Предосудительным по преимуществу оказывается в этом романе то, что в нем помещены речи частью самого Робеспьера, частью других республиканцев, в которых выражается ненависть к монархической власти и проповедуется святость и непреложность народной воли» (РГИА, ф. 779, о. 4, д. 39, л. 8 – 9).

Остановимся ещё на двух примечательных примерах. В 1856 г. по представлению варшавского цензора Тугендгольда был запрещён роман за то, «что авторы предметом одного избрали невольничий быт в Северо-Американских Штатах с преимущественной целью распространить вообще демократические свои мнения» (РГИА, ф. 779, о. 4, д. 36, л. 11). Такая странная формулировка отнюдь не была случайностью в тот период выглядела вполне закономерно. В 1856 – 1857 гг.

открытое обсуждение крестьянского вопроса в печати ещё не дозволялось и эмансипаторы (как тогда именовались сторонники освобождения крестьян) маскировали свои проекты под работы по истории схожих реформ в других странах [9: с. 101; 10: с. 85 – 105]. Сравнение русского крестьянина с американским негром-рабом тоже было достаточно популярно: его использовала редакция журнала «Русский вестник», Георгиевский посвятил невольникам в колониях специальную статью в том же издании, о них же писали и в «Отечественных записках» [1: с. 113 – 131; 5: с. 249; 8: с. 133 – 136].

В документах изучаемого периода можно найти и прямые указания на использование в публицистике аналогий между положением американских рабов и русских крестьян. Например, чиновник особых поручений МНП Палаузов 4 сентября 1857 г. обращал внимание начальства «...на № 20 Молвы, где... представляет рабский труд американских негров трудом нашего крестьянского сословия...» (РГИА, ф. 772, о. 1, ч. 2, д. 3989, л. 26. – в цитате сохранён синтаксис документа). Издатель активно участвовавшего в общественной полемике журнала «Атеней» Е.Ф. Корш 22 октября 1857 писал о современной ситуации П.В. Анненкову: «...меры относительно крестьян, при всей ограниченности своей, произвели неожиданное действие – как будто бы никто их не ожидал. Со стороны дяди Тома до сих пор почти не заметно волнения, волнуется больше Ваш брат помещик» (ИРЛИ РАН, ф. 7, д. 57, л. 16). В обществе всем было очевидно, кто такой «дядя Том» в России.

На заседании 10 января 1859 г. по представлению цензора Бистрама была запрещена книга «De la guerre et des armees permenentes. Par Larroque. Paris 1856.» («О войне и постоянных /регулярных/ армиях»), проповедовавшая пацифизм и разоружение через речи «космополитов, предавшимися мечтаниям о всеобщем мире, вследствие чего будто бы должны сделаться ненужными армии». Комитет счёл, что «подобного рода утопии не заслуживали бы никакого внимания, если бы в них не скрывались идеи чисто демократические» (РГИА, ф. 779, о. 4, д. 39, л. 1). Перефразируя слова протокола, можно сказать, что подобного рода запрещения,

может быть, и не заслуживали бы особого внимания, если бы запрещаемые тогда идеи не овладели миром уже менее чем через столетие.

Гораздо больше, нежели за либерализм или по религиозным соображениям, запрещалось произведений прямо направленных против России её государственного строя. Мы их разделили на 2 группы: условно именуемые «русофобскими» (критикующие страну) и «сепаратистские» (пропагандирующие идеи независимости отдельных национальных окраин). Оба основания для запрещения так же были оговорены в регламентирующих документах.

Иногда цензоры ссылались и на прошлый опыт: например, в 1857 г. Дукшинский, запрещая книгу за либеральные идеи, оговаривался: «Независимо от сего сочинение наполнено предосудительными отзывами о политике России, которые всегда запрещались Ценсурой» (РГИА, ф. 779, о. 4, д. 37, л. 1) – в тот период это слово писалось в официальных документах через букву «с», тогда как в частной переписке уже было распространено современное написание. В этом и ряде других случаях произведение было запрещено сразу по нескольким основаниям (поскольку в приведённых выше таблицах и диаграммах мы подсчитывали именно случаи использования того или иного основания, каждое произведение отдельно учтено по каждому основанию для его запрета).

Например, в 1856 г. по представлению уже упоминавшегося варшавского цензора Гинье комитет запретил сочинение, автор которого пропагандировал «близкое политическое восстановление польской, маджарской и румынской народности, которое он представляет единственным средством к прекращению волнений в Европе. Статистические и исторические данные о славянских землях автор искажает с намерением унизить Россию и придать особенное значение так называемым польским провинциям, и заимствует сведения из враждебных России сочинений Кюстина, Головина и Тургенева, наполняя выписками из них всю вторую часть книги» (РГИА, ф. 779, о. 4, д. 36, л. 10). В этом постановлении комитета не только объединены оба «антироссийских» основания, но и указывается на персоналии политических эмигрантов периода правления Николая I как недозволительных авторов и источников сведений о России для иностранцев.

Похожий случай датирован 1857 г.: цензором Дукшинским был пропущен французский географический справочник для детей, но с обязательным исключением статьи о России, которая названа «коршуном», а «автор сочувствует храбрым полякам» (РГИА, ф. 779, о. 4, д. 37, л. 249).

Цензурный комитет запрещал и упоминавшиеся ранее художественные произведения, например, на основании того «автор влагает в уста Струензе (*своего вымышленного героя – С.Р.*) враждебные отзывы о России». Классические примеры «руссофобии» в иностранных книгах рассматривались на заседании 7 января 1860, когда были запрещены «*La Russie, son peuple et son armee par L. Delury*» («Россия, её народ и армия») за «самые нелепые рассказы о России» и «*Progres en Russie...*» («Прогресс в России...»), поскольку «имя Ивана Головина, автора этой брошюры, достаточно для того, чтобы догадаться о направлении оной. Она заключает в себе самую горькую критику на все, что делается в России...» (РГИА, ф. 779, о. 4, д. 40, л. 1, 7). Последнее сочинение принадлежало перу политического эмигранта.

Яркие примеры «сепаратистских» сочинений представляют издания по польскому вопросу. Среди них запрещённая на первом же заседании 1856 г. книга по польской истории (РГИА, ф. 779, о. 4, д. 36, л. 11), запрещённый в 1857 г. цензором Дукшинским изданный в Париже манифест польских выходцев (РГИА, ф. 779, о. 4, д. 37, л. 371), запрещённая в 1859 г. изданная во Франции книга по истории Польши, оказавшаяся, с точки зрения комитета, написанной «в умеренном духе, но ...по предосудительности его содержания...» (РГИА, ф. 779, о. 4, д. 39, л. 7), запрещённые в 1860 г. цензором Броневским польские патриотические стихи Красинского за выражение «сожаления о безвинном падении Польши и надежды на скорое ее восстановление» и запрещённые в том же году цензором Функенштейном польские антироссийские стихи (РГИА, ф. 779, о. 4, д. 40, л. 7, 114).

На страницы сочинений такого рода попадает и критика разворачивающейся подготовки крестьянской реформы. Например, в 1859 г. по представлению виленского цензора Кукольника была запрещена литовская книга, которая, по его характеристике, «заключает в себе взгляд на нынешнее положение крестьян в Литве, распоряжения Правительства, стремящиеся к улучшению их быта и средства к

достижению этой цели. Хотя автор по видимому отдает справедливость Высочайшему распоряжению на счет выкупа крестьянами усадеб, но во многих местах он отзывается об этой мере такими словами, которые явно противоречат смыслу Высочайшего рескрипта» (РГИА, ф. 779, о. 4, д. 39, л. 6). В дальнейшие подробности протокол не входил, и нам не встретилось других случаев столкновения комитета с критикой состояния крестьянского вопроса в иностранной литературе.

В изучаемый период антирусские настроения зачастую выражались в форме нелестных заявлений о политике и боевых действиях русских в ходе Крымской войны – содержащие их издания так же запрещались и мы выделили это основание для запрета. Вполне закономерно, что подавляющее большинство запрещённых по этому признаку произведений происходили из Франции – противника России в ходе войны. Например, 14 марта 1856 по представлению цензора Дукшинского была запрещена книга «Un episode de la compagne de Russie» («Эпизод кампании в России») за искажения истины, а цензором Воловским – «Les hommes de la Guerre d'Orient» («Люди Восточной войны») «по враждебному для России направлению» (РГИА, ф. 779, о. 4, д. 36, л. 120).

В качестве исключения можно назвать запрещённый в 1860 г. по рекомендации цензора Фехта немецкий сборник гимнов за «восхваление подвигов английских войск во время Крымской кампании» (РГИА, ф. 779, о. 4, д. 40, л. 7). Остановимся на трёх запрещённых французских книгах о Крымской войне, представлявших достаточно оригинальные и интересные варианты враждебной России политической пропаганды, с которой приходилось бороться иностранной цензуре. Запрет комитета в начале 1856 г. по представлению цензора Дукшинского вызвал «памфлет» «Jemmapes ou Waterloo!» (Жемап или Ватерлоо), автор которого предложил довольно оригинальную трактовку международной политической ситуации. Он считал, что «Австрия, Пруссия и Россия разыгрывают комедию, чтобы погубить под Севастополем отборные войска союзников и после того броситься на Францию, гнездо революции и республиканских идей...» (РГИА, ф. 779, о. 4, д. 36, л. 41).

10 января 1859 г. по представлению одесского цензора Палеолога была запрещена книга «Histoir de la Guerre d'Orient par Segur» («История Восточной войны») за то, что «автор для оправдания войны с Россией, старается ей самой приписать все причины оной, приводя буквально официальные бумаги кабинетов, он объясняет их с своей точки зрения и не скупится на оскорбительные и несправедливые выходки против России, ее Правительства и самого Государя» (РГИА, ф. 779, о. 4, д. 39, л. 7). Ровно через год по представлению цензора Комаровского комитет запретил книгу «Les adventures de Jean Pier Chrysostome Piou en Crimee par E. Dejoux» («Приключения Жана Пьера Златоуста Пиу в Крыму»), поскольку «в этой детской книжке представлена в смешном виде армия наша» (РГИА, ф. 779, о. 4, д. 40, л. 1). Отметим, что на рассмотрение комитета, как правило, попадали книги, ввозимые в страну по заказу кого-то из России (книготорговцев, учреждений или частных лиц), поэтому можно предполагать, что подобного рода сочинения были интересны отечественной публике.

Некоторые книги запрещались по причине искажения в них истории (то есть, по всей видимости, её официальной версии), пропаганды недозволенных философских идей, революционные лозунги и оскорбление российских или зарубежных царствующих особ. Среди книг, запрещённых по последнему основанию были произведения, затрагивавшие достоинство российского императора, французского императора Нопалеона III, «нападки на личные свойства короля» Фридриха-Вильгельма IV (РГИА, ф. 779, о. 4, д. 39, л. 7; д. 40, л. 109; д. 36, л. 12). Г. Эвальд в своём так же запрещённом комитетом труде делал более широкие обобщения – по словам протокола, «сочинение это содержит направленные против Государей Европы обвинения в том, что они с 1815, 1830 и 1848 годов, не исполнили данных народам обещаний» (РГИА, ф. 779, о. 4, д. 36, л. 9).

Среди книг, запрещённых за свою «революционность», редко встречались прямые указания на это в самих произведениях – обычно эта характеристика давалась самими цензорами (как мы указывали, революционность виделась чиновникам даже в сомнительных рассуждениях об институте брака). Например, в 1859 г. по представлению цензора Бистрама было запрещено распространение

немецкой книги, направленной против Меттерниха, которая, по характеристике комитета, была «проникнута революционными идеями, противными монархической власти, и даже вере христианской и нравственности» (РГИА, ф. 779, о. 4, д. 39, л. 1). Исключением из этого правила можно считать запрещённый 4 января 1856 г. сборник стихов L. Marchessan за признание автора в «службе великой революционной армии» (РГИА, ф. 779, о. 4, д. 36, л. 246).

Интересно отметить, что среди исторических книг запрещению и купюрам подверглись немецкие учебники и научные труды (в том числе по представлению цензора Берте «Всеобщая история» Шлоссера) (РГИА, ф. 779, о. 4, д. 36, л. 120; д. 37, л. 250) и французские псевдонаучные или художественные сочинения. Среди них, например, иезуитская книга, доказывающая на материалах архива ордена незаконность коронации Петра Алексеевича вместе с братом Иоанном или вместо него и роман «Le Prince. Roman historique» («Принц. Исторический роман»), «заимствованный из времен Екатерины II..., автор представляет тогдашний русский Двор поприщем самых черных интриг» (РГИА, ф. 779, о. 4, д. 37, л. 126, 249). Правда, были и исключения: в 1856 г. по рекомендации цензора Берте было запрещено распространение поэмы о немецких инвалидах, служивших «в войске инсургентов в 1848 и 1849 годах... При этом автор прославляет подвиги этих мятежников...» (РГИА, ф. 779, о. 4, д. 36, л. 25).

Среди недозволенных философов были, прежде всего, Г.Ф.Г. Гегель и Просветители. Например, в начале 1856 г. по представлению цензора Гольмблада было запрещено распространение французской статьи о Ж. Ж. Руссо, «так как она, по содержащемуся в ней превознесению учений Руссо, может способствовать распространению ложных философских и религиозных понятий», а 11 сентября 1857 по представлению «Ревельского отдельного цензора Благовещенского» была запрещена книга, представлявшая собой, по его словам, «практическое приложение философии Гегеля, столь мало совместной с нашими понятиями о государстве» (РГИА, ф. 779, о. 4, д. 36, л. 3; д. 37, л. 377). Попадали в комитет и произведения сторонников утопических теорий, которые можно было запретить сразу на нескольких основаниях. Так, например, произошло (по рекомендации цензора

Ливера) с книгой Р. Enfenten'a «Saint Simon» за пропаганду «принципов учения Сен-Симона о физиологии религии. Не будьте ни язычником, ни христианином, вот главная его доктрина» (РГИА, ф. 779, о. 4, д. 40, л. 7).

Как мы упоминали, произведения сначала рассматривались отдельными цензорами, которые докладывали свои соображения комитету, а он уже на заседании принимал окончательное решение. В большинстве случаев комитет соглашался с мнением цензоров, но иногда поступал строже или мягче – по всей видимости, эти постановления отражали согласованную позицию цензоров, а не единоличное мнение, то есть в работе комитета присутствовал определённый демократизм, на что указывает и приводимый далее документ. В спорных ситуациях дело передавалось для окончательного решения в Главный цензурный комитет (РГИА, ф. 779, о. 4, д. 36, л. 3, 20 – 24; д. 37, л. 380 – 381). Для примера можно рассмотреть один случай возникшей в комитете дискуссии, достаточно подробно описанной в протоколе заседания 11 сентября 1857 г.

Председатель комитета А. Красовский счёл оскорблением России и присланную купцу I гильдии Соловьеву из Амстердама масляную картину с карикатурой на Парижский мирный конгресс 1856 г., на которой было «изображено двенадцать совещающихся собак». Большинство членов решило не рассматривать картину, поскольку она предназначена для пользования одного человека и речь не может идти о распространении произведения в полном смысле этого слова, и вернуть ее таможене. Председатель же «затруднился принять такое мнение», так как разрешение на ввоз такой оскорбительной для послов картины автоматически позволит ее и «ей подобные» рисунки демонстрировать и тиражировать. В итоге дискуссии дело было передано на рассмотрение в Главный цензурный комитет (РГИА, ф. 779, о. 4, д. 37, л. 380 – 381).

В борьбе за право откровенной печатного обсуждения всех насущных вопросов общественность сосредоточилась на подтачивании именно внутренней цензуры, а иностранная оставалась вне основного поля борьбы. Иностранная цензура в значительной степени оказалась «заповедником» прежней законности в сравнении с внутренней цензурой, где сами чиновники нередко становились

активными проводниками исходящих от общества либеральных импульсов. Поэтому её деятельность и её результаты служат наглядным примером к известному тезису о неэффективности старой системы: перед нами мало затронутое общественной борьбой учреждение и его очевидная неспособность исполнить поставленную задачу.

Литература

1. Георгиевский. Об уничтожении невольничества в английских колониях. / Георгиевский. // Русский вестник. – 1858. – Т.14. – С. 113 – 131.
2. Записка о письменной литературе. // Голоса из России: сборники А.И. Герцена и Н.П. Огарева: [в 4 вып.] / Герцен Александр Иванович; Огарев Николай Платонович, Рук. Нечкина Милица Васильевна, Кол.авт. АН СССР. - [факс. изд.]. - Москва: Наука, 1974. – Т. 1. С. 40 – 60.
3. Киреева Р.А. Государственная школа: историческая концепция К.Д. Кавелина и Б.Н. Чичерина. / Р.А. Киреева. – М.: ОГИ, 2004. – 512 С.
4. Крестьянский вопрос. // Современная летопись. Русский вестник. – 1858. – Т.14. – С. 3 – 35, 128 – 155, 243 – 289.
5. Новые негры. // Отечественные записки. – 1857. – № 4. – С. 133 – 136.
6. Нольде Б.Э. Юрий Самарин и его время / Нольде Борис Эммануилович; Послесл. Гершензон Михаил Осипович. - Москва: ЭКСМО: Алгоритм, 2003. - 542, [1] с.
7. Пирожкова Т.Ф. Б.Н. Чичерин в журнальной полемике 1856 – 1858 гг. и его суждения об этике журналиста. / Т.Ф. Пирожкова. // Из века в век, 1702-2002. Из истории русской журналистики: [Сб. ст.] / Ред. Есин Борис Иванович. - Москва: Б/и, 2002. - С. 84 – 105.
8. Сухомлинов М. Материалы для истории просвещения в России в царствование императора Александра I. [Текст] / М. Сухомлинов. – СПб, 1866. – 112 с.
9. Щебальский П. К. Исторические сведения о цензуре в России. / П. К. Щебальский. – Санкт-Петербург: тип. Ф. Персона, 1862 - 107 с.

1. Georgievskiy. Ob unichtozhenii nevol'nichestva v angliyskikh koloniyah. / Georgievskiy. // Russkiy vestnik. - 1858. - T.14. - S. 113 - 131.
2. Zapiska o pis'mennoy literature. // Golosa iz Rossii. M.: Nauka, 1975. T. 1. S. 40 – 60.
3. Istoricheskie svedeniya o tsenzure v Rossii. Pечатано по распоряжению Министерства Народного Просвещения. SPb, 1862. - 107 s.
4. Kireeva R.A. Gosudarstvennaya shkola: istoricheskaya kontseptsiya K.D. Kavelina i B.N. Chicherina. / R.A. Kireeva. - M.: OGI, 2004. - 512 S.
5. Krest'yanskiy vopros. // Sovremennaya letopis'. Russkiy vestnik. - 1858. - T.14. - S. 3 - 35, 128 - 155, 243 - 289.
6. Novye negry. // Otechestvennye zapiski. - 1857. - 14. - S. 133 - 136.
7. Nol'de B.E. Yuriy Samarin i ego vremya / Nol'de Boris Emmanuilovich; Poslesl. Gershenson Mihail Osipovich. - Moskva: EKSMO: Algoritm, 2003. - 542, [1] s.
8. Pirozhkova T.F. B.N. Chicherin v zhurnal'noy polemike 1856 - 1858 gg. i ego suzhdeniya ob etike zhurnalista. / T.F. Pirozhkova. // Iz veka v vek, 1702-2002. Iz istorii russkoy zhurnalistiki: [Sb. st.] / Red. Esin Boris Ivanovich. - Moskva: B/i, 2002. - S. 84 - 105.
9. Suhomlinov M. Materialy dlya istorii prosvescheniya v Rossii v tsarstvovanie imperatora Aleksandra I. [Tekst] / M. Suhomlinov. – SPb, 1866. – 112 s.